

- [Анатоль Франс](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Анатоль Франс

Роксана

Мой добрый учитель, господин аббат Жером Куаньяр, повел меня как-то поужинать к одному из своих старинных школьных товарищей, который ютился в мансарде на улице Жи-ле-Кер. Наш хозяин, премонстрантский монах^[1], человек весьма образованный и отличный богослов, рассорился некогда с настоятелем своего монастыря из-за того, что написал книжицу о злключениях девицы Фаншон, вследствие чего ему пришлось сделаться содержателем кофейни в Гааге. Затем он вернулся во Францию и теперь едва зарабатывал себе на пропитание, сочиняя на заказ проповеди, отличающиеся большой ученостью и красноречием. После ужина он прочитал нам злключения девицы Фаншон, явившиеся источником его собственных, причем чтение длилось довольно долго, и когда мы с моим добрым учителем оказались на улице, стояла чудесная теплая летняя ночь, которая тотчас подтвердила мне правдивость древних сказаний, повествующих о слабостях Дианы^[2], и внушила мне мысль, что эти серебристые безмолвные часы естественнее всего было бы посвящать любви. Я поделился своим наблюдением с аббатом Куаньяром, но он мне возразил, что любовь бывает причиной великих зол.

— Турнеброш, сын мой, — сказал он, — разве вы не слышали сейчас из уст нашего почтенного премонстрантского монаха, что из-за любви к некоему сержанту-вербовщику, к приказчику господина Голо, владельца галантерейной лавки «Убегающая свинья», и, наконец, к младшему сыну уголовного судьи Леблана девица Фаншон попала в больницу для бедных? Хотелось бы вам быть этим сержантом, этим приказчиком или этим младшим отпрыском судейского рода?

Я сказал, что мне бы хотелось. Мой добрый учитель оценил чистосердечие моего ответа и привел мне несколько стихов из Лукреция^[3], чтобы убедить меня в том, что любовь вредит спокойствию истинно философской души.

Беседуя так, мы дошли до середины Нового моста. Облокотясь на перила, мы смотрели на огромную башню Шатле^[4], черневшую в сиянии луны.

— Как много можно сказать, — вздохнул мой добрый учитель, — о правосудии цивилизованных наций, чья месть более жестока, нежели само

преступление. Я не думаю, чтобы муки и наказания, которые одни люди налагают на других людей, были так уж необходимы для поддержания прочности государств, поскольку время от времени какую-либо из узаконенных жестокостей отменяют без всякого ущерба для общества. И, быть может, те кары, которые еще применяются доньше, не более полезны, чем те, которые уже упразднены. Но люди жестоки. Пойдемте, Турнеброш, друг мой, мне тягостно думать, что несчастные томятся без сна в этих стенах, полные отчаянья и тоски. Мысль об их проступках не мешает мне сожалеть о них. Кто из нас безгрешен?

Мы продолжали наш путь. На мосту было пустынно, если не считать нищего и нищенки, которые, встретившись здесь, забились в полукруглую выемку у дверей какой-то лавчонки. Казалось, оба были вполне довольны, соединив вместе свои несчастья, и когда мы проходили мимо, они меньше всего думали о том, чтобы умолять нас о милостыне.

Однако мой добрый учитель, сострадательнейший из людей, бросил им лиар, единственный, что еще оставался у него в кармане.

— Они подберут нашу лепту потом, когда сознание нищеты вернется к ним, — сказал он. — И дай бог, чтобы они не слишком яростно набросились на эту монету, оспаривая ее друг у друга.

Мы двинулись дальше, никого более не встречая, как вдруг на набережной Птицеловов увидели молодую особу, которая шла какой-то странной, необыкновенно решительной походкой. Прибавив шагу, чтобы разглядеть ее поближе, мы увидели, что у нее тонкий стан и белокурые волосы, блестящие в лучах луны. Одетая она была так, как обычно одеваются горожанки среднего круга.

— Какая хорошенькая девушка! — сказал аббат. — Как могло случиться, что она оказалась на улице одна в столь поздний час?

— В самом деле, — ответил я, — она не из тех, кого обычно встречаешь на мостах после сигнала к гашению огня.

Наше удивление перешло в живейшее беспокойство, когда мы увидели, что она спускается к берегу по узенькой лесенке, которой обычно пользуются лодочники. Мы побежали к ней. Но она, видимо, не слышала наших шагов. Она остановилась у самой воды, которая поднялась довольно высоко и глухой шум которой доносился уже издалека. Одно мгновение девушка стояла неподвижно, держа голову прямо и опустив руки; ее поза говорила об отчаянии. Потом, склонив свою изящную шею, она закрыла лицо руками, пробыла в таком положении несколько секунд и вдруг, подхватив юбку, подобрала ее привычным жестом женщины, которая собирается прыгнуть. Мы с моим добрым учителем подбежали к ней в тот

самый момент, когда она уже совсем готова была сделать роковой прыжок, и поспешно оттащили ее назад. Она пыталась вырваться из наших рук. И так как на берегу было грязно и скользко от ила, нанесенного волнами (вода в Сене уже начинала спадать), аббат Куаньяр едва не упал в реку. Меня и самого потащило вниз, но, к счастью, ноги мои наткнулись на корень, и он послужил мне точкой опоры, пока я поддерживал лучшего из учителей и юную отчаявшуюся девушку. Вскоре, истощив силы и мужество, она упала на грудь аббата Куаньяра, и нам удалось, всем троим, взобраться на откос. Он бережно поддерживал ее с той изящной непринужденностью, которая никогда его не покидала. Так он довел ее до высокого бука, у подножия которого стояла деревянная скамейка.

Усадив девушку, он сам сел рядом с ней.

— Мадемуазель, — сказал он ей, — не бойтесь ничего. Пока не говорите ни слова, но знайте, что возле вас друг.

Потом, обернувшись ко мне, учитель сказал:

— Турнеброш, сын мой, мы должны радоваться, что довели до благополучного конца это удивительное приключение. Но я оставил на берегу свою шляпу; правда, на ней уже совсем почти нет позумента и она сильно потрепана от длительного употребления, однако она еще защищала от дождя и солнца мою бедную голову, пострадавшую от времени и трудов. Пойди, сын мой, и посмотри, лежит ли еще на том месте, куда упала, и, если найдешь, прошу тебя, принеси мне ее, а заодно и пряжку от башмака, которую я, как видно, тоже потерял там. Что до меня, то я останусь здесь с этой юной девицей и буду оберегать ее покой.

Я побежал к тому месту, откуда мы только что выбрались, и мне повезло — я нашел там шляпу моего доброго учителя. Что касается пряжки, то мне не удалось найти ее. Правда, я не так уж усердно ее искал, ибо за всю свою жизнь ни разу не видел у моего доброго учителя двух пряжек на башмаках. Когда я вернулся к буку, молодая девушка все еще находилась в том самом состоянии, в каком я ее оставил, уходя: она сидела, не шевелясь, прислонившись к дереву головою. Я увидел, что она удивительно хороша собой. На ней была длинная шелковая накидка, отделанная кружевом и очень опрятная, а ноги были обуты в изящные башмачки с пряжками, на которых блестела луна.

Я не мог налюбоваться ею. Внезапно ее потухшие глаза оживились, и, устремив на г-на Куаньяра и на меня еще затуманенный взор, она произнесла слабым голосом, но с большим достоинством:

— Я ценю, господа, то, что вы сделали для меня во имя человеколюбия, но не могу сказать, что довольна этим, так как жизнь, к

которой вы меня вернули, — ненавистная и жестокая пытка.

Услышав это, мой добрый учитель, чье лицо выражало сострадание, мягко улыбнулся, ибо он не верил, чтобы жизнь могла навсегда сделаться ненавистной столь юному и прелестному созданию.

— Дитя мое, — сказал он ей, — одни и те же события производят на нас разное впечатление в зависимости от того, давно они произошли или недавно. Вам рано отчаиваться. Несмотря на мою наружность и на то состояние, в какое меня привело разрушительное действие времени, я все же переношу бремя жизни, все радости которой сводятся у меня теперь к переводам с греческого да к редким обедам в обществе порядочных людей. Взгляните на меня, мадемуазель, и скажите, согласились ли бы вы жить так, как живу я.

Она взглянула на него; глаза ее почти повеселели, и она покачала головой. Потом, снова погружаясь в печаль и уныние, она сказала:

— Нет в мире существа несчастнее меня.

— Мадемуазель, — возразил мой добрый учитель, — я скромнее как по причине моего сана, так и в силу свойств моего характера, — поэтому я не стану пытаться выведать вашу тайну. Однако по выражению вашего лица ясно видно, что вы страдаете от несчастной любви, а эта болезнь излечима — я сам был затронут ею. С тех пор прошло много лет.

Он взял ее руку, начал ласково гладить ее, а затем сказал:

— В эту минуту я сожалею лишь об одном — что не могу предложить вам приют на остаток ночи. Живу я довольно далеко отсюда, в старинном замке, где перевожу греческую книгу совместно с молодым Турнеброшем — тем самым юношей, который стоит сейчас перед вами.

Мы действительно жили тогда у г-на д'Астарака в замке Саблон, в деревне Нейи, и состояли на жаловании у этого великого алхимика, который впоследствии погиб трагической смертью.

— Но если вы, мадемуазель, — добавил мой добрый учитель, — знаете такое место, куда вы считали бы возможным прийти в столь поздний час, то я буду счастлив проводить вас туда.

На это девушка ответила, что она весьма признательна за проявленную к ней доброту, что живет она у родственницы, к которой вполне может вернуться в любое время, но что ей не хочется приходить туда до наступления утра, отчасти из-за нежелания будить прислугу, а отчасти из опасения, что вид знакомой обстановки еще больше разбередит ее горе.

И, сказав это, она залилась слезами.

Мой добрый учитель ответил ей:

— Дайте мне, пожалуйста, ваш носовой платок, мадемуазель, и я утру

вам глаза. Потом я отведу вас под навес рынка, и в ожидании утра мы можем спокойно посидеть там, укрывшись от ночной прохлады.

Девушка улыбнулась сквозь слезы.

— Я вовсе не хочу, — сказала она, — доставлять вам столько хлопот. Идите своей дорогой, сударь, и верьте, что мое сердце навсегда сохранит к вам глубокую признательность.

Тем не менее она оперлась на руку, предложенную ей моим добрым учителем, и, все трое, мы направились к рынку. В воздухе посвежело. Небо начало принимать оттенок молочной белизны, звезды стали бледнее и как-то воздушнее. Послышался стук колес первых тележек с овощами; сонные лошади медленно катили их к рынку. Дойдя до колонн, мы уселись втроем в нише одного из портиков под статуей св. Николая, на каменной ступеньке, которую аббат Куаньяр, прежде чем усадить девушку, позаботился прикрыть своим плащом.

Здесь мой добрый учитель, желая отстранить тягостные картины, которые могли бы возникнуть в воображении нашей спутницы, умышленно заговорил о вещах веселых и забавных. Он сказал ей, что считает эту встречу драгоценнейшей в своей жизни и сохранит о ней самое лучшее и трогательное воспоминание, хотя не хочет расспрашивать столь милую молодую особу ни об имени ее, ни о том, что с ней случилось.

Быть может, мой добрый учитель предполагал, что незнакомка сама расскажет ему то, о чем он ее не спрашивал. Она снопа заплакала, начала тяжело вздыхать, потом сказала:

— Сударь, я поступила бы дурно, если бы ответила молчанием на вашу доброту. Я не боюсь довериться вам. Меня зовут Софи Т***. Вы угадали: да, это измена обожаемого возлюбленного довела меня до такого отчаяния. Если вы считаете мою скорбь чрезмерной, то это потому, что вы не знаете, до какой степени дошло мое доверие и мое ослепление, потому что вам неизвестно, от какого волшебного сна я была разбужена сегодня.

И, подняв на нас свои прекрасные глаза, она продолжала:

— Я не такова, господа, какою могла показаться вам во время этой ночной встречи. Отец мой был негоциантом. Однажды он поехал по торговым делам в Америку и на обратном пути погиб во время кораблекрушения вместе со всеми своими товарами. Матушка была так потрясена этой утратой, что вскоре умерла от тоски, оставив меня еще ребенком на руках у тетки, которая и занялась моим воспитанием. Я была благоразумна, пока не встретила человека, чьей любви суждено было подарить мне невыразимые радости, а потом повергнуть в то глубокое отчаяние, в каком вы меня видите в настоящую минуту.

При этих словах Софи поднесла к глазам платок. Затем, вздохнув, она продолжала свой рассказ.

— Его положение в обществе было настолько выше моего, что я и не рассчитывала принадлежать ему иначе как тайно. Однако я льстила себя надеждой, что он будет мне верен. Он говорил, что любит меня, и ему нетрудно было убедить меня в этом. Тетушка моя узнала о наших отношениях, но не стала стеснять нас, так как ее привязанность ко мне делала ее слабохарактерной, а также потому, что высокое положение моего дорогого возлюбленного внушало ей почтение. Я прожила целый год, наслаждаясь счастьем, которое оборвалось вдруг, в одно мгновение. Сегодня утром он пришел ко мне в дом тетушки, где я живу. Все утро меня мучили дурные предчувствия: причесываясь, я разбила зеркало, его подарок. Когда он вошел, мое беспокойство еще усилилось — на лице его было какое-то принужденное выражение, сразу бросившееся мне в глаза... Ах, сударь, есть ли на свете участь, подобная моей?..

Глаза ее увлажнились, но она сдержала слезы, и ей удалось закончить свой рассказ, который показался моему доброму учителю таким же волнующим, каким он казался ей самой, но далеко не таким необыкновенным.

— Он холодно, хотя и не без некоторого замешательства, объявил мне, что его отец купил ему патент на чин командира роты, и теперь он отправляется в армию, но прежде, по требованию семьи, должен обручиться с дочерью некоего интенданта финансов^[5], так как этот брак будет полезен для его карьеры и даст ему возможность поддерживать свое положение в обществе. И, не удаивая заметить мою бледность, этот изменник своим бархатным голосом, которым он столько раз клялся мне в любви, добавил, что его новые обязательства не позволят ему больше видеться со мной, по крайней мере в течение известного времени. Он сказал также, что по-прежнему привязан ко мне и просит принять от него некоторую сумму денег в знак памяти о том времени, когда мы были вместе.

И он протянул мне кошелек.

Я не солгу вам, господа, если скажу, что не желала его слушать и прежде, когда он тысячу раз предлагал мне наряды, посуду, обстановку, когда он хотел взять меня от тетушки, где я жила очень стесненно, и поселить в небольшом, но приличном особняке, который был у него в квартале Руль. Я полагала, что нас должно связывать только чувство, и гордилась тем, что принимаю от него лишь кое-какие безделушки, вся ценность которых состояла для меня в том, что они исходят от него.

Поэтому, увидев протянутый кошелек, я пришла в негодование, и это дало мне силу указать обманщику на дверь: один этот миг позволил мне разгадать его и наградить презрением. Однако он без всякого смущения выдержал мой негодующий взгляд и весьма хладнокровно заявил, что я ничего не понимаю в обязанностях, налагаемых высоким положением. Он надеется, что со временем, немного успокоившись, я буду более справедливо судить о его поступках, — добавил он и, положив кошелек в карман, заверил меня, что сумеет передать мне его содержимое таким способом, который сделает отказ невозможным. Высказав эту невыносимую для меня мысль и дав понять, что, таким образом, он будет считать себя свободным от каких бы то ни было обязательств по отношению ко мне, изменник вышел, так как я продолжала молча указывать ему на дверь. Оставшись одна, я почувствовала спокойствие, удивившее меня самое. Источником его было то, что я решила умереть. Я тщательно оделась, написала письмо тетушке, прося у нее прощения за то горе, которое собиралась ей причинить своей смертью, и вышла на улицу. Я бродила по городу весь остаток дня и часть вечера, переходя с оживленных улиц на безлюдные, не ощущая усталости, оттягивая выполнение моего замысла, чтобы вернее осуществить его под покровом мрака и безлюдия. Быть может, впрочем, в этом была и некоторая слабость, заставлявшая меня лелеять мысль о смерти и вкушать грустную сладость предстоящего мне освобождения. В два часа ночи я спустилась на берег реки. Остальное, господа, вам известно: вы вырвали меня из рук смерти. Я благодарна вам за вашу доброту, но не могу радоваться ее последствиям. На свете слишком много покинутых девушек. Мне не хотелось увеличивать их число.

Оказав все это, Софи замолчала и снова принялась лить слезы.

Мой добрый учитель с величайшей нежностью взял ее за руку.

— Дитя мое, — сказал он, — я с глубоким сочувствием выслушал вашу историю и признаю, что она печальна. Но я с радостью убеждаюсь, в том, что ваша болезнь излечима. Помимо того, что ваш возлюбленный отнюдь не заслуживал вашего расположения и при первом же испытании показал себя человеком легкомысленным, эгоистичным и грубым, я вижу также, что ваше чувство к нему было лишь проявлением естественной в вашем возрасте потребности любить, лишь следствием вашей впечатлительности, причем предмет ее значил для вас гораздо меньше, чем вы думаете. Все, что было необыкновенного и благородного в этой любви, исходило от вас, и, следовательно, ничто не потеряно, раз источник ее еще существует. И ваши глаза, которые расцвели нежнейшими красками личность, без сомнения, весьма заурядную, еще найдут, куда излить лучи

чудесной иллюзии.

Мой добрый учитель говорил и говорил, и с уст его текли прекраснейшие в мире речи о смятении чувств, о заблуждениях любовников... Но пока он говорил, Софи, уронившая свою хорошенькую головку на плечо лучшего из людей, тихо уснула. Когда аббат Куаньяр обнаружил, что девушка погружена в сон, он порадовался тому, что его слова могли сообщить мир и покой страждущей душе.

— Надо признать, — сказал он, — что мои речи обладают целительным свойством.

Чтобы не потревожить сон мадемуазель Софи, он принял множество предосторожностей и намеренно продолжал без умолку говорить, не без основания опасаясь, как бы внезапное молчание не разбудило ее.

— Турнеброш, сын мой, — сказал он мне, — все ее горести исчезли, как только она перестала их сознавать. Следовательно, все они были вымышленными и существовали лишь в ее воображении. И, следовательно, причиной их была гордыня и высокомерие, сопровождающие любовь и придающие ей горечь. Ибо если бы мы любили, забывая о себе, смиренно или хотя бы простосердечно, то удовлетворялись бы тем, что нам дают, и не считали бы пренебрежение изменой. А если б в сердце у нас еще оставалось немного любви и после того, как нас покинули, мы спокойно ожидали бы, как будет угодно богу распорядиться этой любовью.

Однако начинало светать, и пение птиц сделалось до того громким, что уже заглушало голос моего доброго учителя. Это нисколько его не огорчило.

— Послушаем жаворонков, — сказал он. — Они любят мудрее, чем люди.

Софи проснулась, когда было уже совсем светло, и я залюбовался ее прекрасными глазами, под которыми от усталости и скорби появились синеватые тени оттенка чистейшего перламутра. По-видимому, она уже немного примирилась с жизнью. Она не отказалась от чашки шоколада, которую мой добрый учитель заставил ее выпить у дверей Матюрины, прекрасной шоколадницы рынка.

Но по мере того как бедная девушка начинала приходить в себя, перед ней вставали кое-какие затруднения, мысль о которых еще не тревожила ее до этой минуты.

— Что скажет тетушка? И что скажу ей я вскричала она.

Эта тетушка жила напротив церкви св. Евстафия, шагах в ста от лавочки Матюрины. Мы проводили девушку до самого дома. И господин аббат Куаньяр, имевший, несмотря на отсутствие пряжки на башмаке,

вполне почтенный вид, вошел вместе с Софи в квартиру ее тетки, которой рассказал следующую историю.

— Я имел счастье, — оказал он ей, — встретиться с вашей уважаемой племянницей в ту самую минуту, когда на нее напали четверо грабителей, вооруженных пистолетами. Я стал звать на помощь так громко, что испуганные воры пустились наутек, но все-таки не успели ускользнуть от полицейских, которые, как это ли странно, прибежали на мой зов. После жаркой стычки им удалось схватить разбойников. Я тоже принял в ней участие, сударыня, и едва не потерял при этом свою шляпу. После чего всех нас — вашу уважаемую племянницу, четырех грабителей и меня — отвели к господину уголовному судье, который обошелся с нами весьма учтиво, но до утра задержал нас в своем кабинете, чтобы снять свидетельские показания.

Тетка ответила сухо:

— Благодарю вас, милостивый государь, за опасение моей племянницы от опасности, которая, говоря откровенно, еще не кажется мне самой страшной для девушки ее возраста, если та оказывается одна на улицах Парижа в ночное время.

Мой добрый учитель ничего не ответил, но мадемуазель Софи сказала с большим чувством:

— Уверяю вас, тетушка, что господин аббат спас мне жизнь.

Спустя несколько месяцев после этого странного приключения мой добрый учитель предпринял ту роковую поездку в Лион, из которой он уже не вернулся. Его предательски убили, и мне довелось испытать невыразимую боль — он умер на моих руках. Обстоятельства его смерти никак не связаны с сюжетом настоящего повествования. Я рассказал о них в другом месте и думаю, что они никогда не будут забыты. Могу сказать, что эта поездка была для меня злополучной во всех отношениях, ибо, потеряв в ней лучшего из учителей, я был покинут и моей любовницей, которая любила меня, но не одного меня, и утрата которой оказалась для меня особенно болезненной после утраты моего доброго учителя. Ошибочно думать, что сердце, пораженное жестоким горем, становится нечувствительным к новым ударам судьбы. Напротив того, Оно страдает даже от самых незначительных невзгод. Поэтому я вернулся в Париж в таком угнетенном состоянии духа, которое трудно себе представить.

И вот однажды вечером, когда, желая рассеяться, я пошел во Французскую Комедию, где давали «Баязета», недурное произведение Расина, мне доставила необычайное наслаждение чарующая красота и своеобразный талант актрисы, исполнявшей роль Роксаны. Она

удивительно естественно изображала страсть, воодушевлявшую эту героиню, и я весь затрепетал, когда совсем просто, но с глубоким чувством она произнесла:

Я вижу, Баязет, что вас я полюбила!

Я не отрываясь смотрел на нее все время, пока она была на сцене, любясь красотой ее глаз и чистым, как мрамор, лбом, увенчанным напудренными и унизанными жемчугом волосами. Ее тонкий стан, с таким изяществом облеченный в пышное платье с фижмами, также произвел на меня сильное впечатление. Мне тем легче было созерцать эту очаровательную актрису, что, произнося некоторые, наиболее значительные места своей роли, она стояла, обернувшись в мою сторону. И чем больше я на нее смотрел, тем больше убеждался в том, что уже видел ее прежде, хотя и не мог припомнить обстоятельств нашей встречи. Мой сосед, завсегда тай Французской Комедии, сообщил мне, что эту прелестную актрису зовут мадемуазель Б*** и что она кумир публики. Он добавил, что в обществе она имеет такой же успех, как и в театре, что популярность ей создал герцог де ла *** и что скоро она затмит мадемуазель Лекуврер^[6].

После окончания спектакля я уже собирался было встать со своего места, как вдруг ко мне подошла служанка и передала мне записку, в которой было несколько слов, написанных карандашом:

«Мадемуазель Роксана ждет вас в своей карете у подъезда театра».

Я не мог поверить, чтобы эта записка предназначалась мне, и спросил дуэнью, которая мне ее вручила, не ошиблась ли она.

— Если я ошиблась, — ответила она, — стало быть, вы не господин Турнеброш.

Я подбежал к карете, стоявшей у подъезда, и под черным атласным капюшоном узнал мадемуазель Б***.

Она знаком предложила мне войти в карету, и я сел рядом с ней.

— Разве вы не узнаете Софи, которую вы спасли от смерти на берегу Сены спросила она.

— Как! Вы? Софи... Роксана... Мадемуазель Б***? Возможно ли это?

Волнение мое было безмерно, но, кажется, она наблюдала его не без удовольствия.

— Я увидела вас в партере, — сказала она, — тотчас же вас узнала и

играла для вас одного. И, кажется, хорошо играла. Я так рада, что вижу вас снова!..

Она спросила у меня, как поживает аббат Куаньяр, и когда я рассказал ей, что мой добрый учитель погиб такой ужасной смертью, она заплакала.

Она пожелала рассказать мне о важнейших событиях своей жизни.

— Моя тетушка, — сказала она, — чинила кружева для госпожи Сен-Реми, а это, как вы знаете, превосходная актриса. Вскоре после той ночи, когда вы так помогли мне, я пошла к госпоже Сен-Реми за кружевами. Эта дама сказала мне, что у меня привлекательная наружность. Она предложила мне почитать стихи и нашла, что я не лишена способностей. Она дала мне возможность брать уроки. В прошлом году я впервые выступила во Французской Комедии. Я выражаю чувства, которые сама пережила, и публика признает за мной кое-какой талант. Герцог де ла *** проявляет ко мне величайшее благоволение и, надеюсь, никогда не причинит мне горя, потому что я научилась требовать от мужчин лишь то, что они могут дать. Сейчас он ждет меня ужинать. Мне непременно нужно ехать к нему.

И, прочитав в моих глазах огорчение, она добавила:

— Но я сказала кучеру, чтобы он ехал самой длинной дорогой и не торопился.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Премонстрантский монах — монах католического ордена премонстрантов, или норбертинов, носивших белую одежду и четырехугольный берет (на улице — плащ и широкополую шляпу).

...о слабостях Дианы... — Намек на античный миф о любви Дианы, богини Луны, к прекрасному юноше Эндимиону.

Лукреций — Тит Лукреций Кар (I в. до н. э.), римский поэт, философ-материалист, последователь Эпикура, учившего, что счастье состоит в отказе от «ложных» желаний и невозмутимом покое; автор поэмы «О природе вещей».

Башня Шатле. — Шатле — старинная крепость в Париже, служившая в XVIII в. тюрьмой.

Интендант финансов. — В феодальной Франции интенданты — должностные лица, заведовавшие отдельными отраслями государственного управления.

Мадемуазель Лекуврер Адриенна (1692 — 1730) — выдающаяся французская трагическая актриса.